18+

Наследие лжи

Чтобы изменить мир, его нужно сначала развязать.

Сотейра Росс

Сотейра Росс

Наследие лжи. Чтобы изменить мир, его нужно сначала развязать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72505684
ISBN 9785006801899

Аннотация

Элиана Вейл, дочь бесправных пустых, получает в покровители не всесильного бога, а коварного Локи и пару капризных кинжалов. Их связь начинается с ненависти и манипуляций, но всё меняется, когда Элиана обнаруживает тайну бога Порядка Тира, чтобы выжить и спасти других, ей придётся объединиться с богом-обманщиком. От ненависти до страсти – один шаг, но он приведёт к войне, где главным оружием станет её уникальный дар: видеть и развязывать самые сокровенные узлы лжи, власти и собственного сердца.

Содержание

Глава 1. Клеймо Бога-Обманщика 5
Глава 2. Уроки Хаоса 25
Глава 3. Яд и позолота 49
Глава 4. Жертва лжи 72
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Наследие лжи
Чтобы изменить мир, его нужно сначала развязать

Сотейра Росс

© Сотейра Росс, 2025

ISBN 978-5-0068-0189-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Клеймо Бога-Обманщика

Воздух в Зале Молчания вибрировал от сдержанной мощи, пах озоном, ладаном и страхом. Высокие своды, теряющиеся в дымчатом мареве, были испещрены рунами, импульсы которых мягким светом отражались на сотнях замерших лиц. Сегодня решались судьбы. Сегодня боги протягивали руки из своих небесных чертогов, чтобы коснуться избранных.

Элиана Вейл стояла в толпе выпускников Академии «Элириум», чувствуя себя букашкой, затерявшейся в кафедральном соборе. Её мантия, поношенная и чуть потёртая на локтях, казалась убогой по сравнению с шитыми серебром и золотом одеяниями однокурсников из знатных семей. Она прижала к груди книгу – старый, потрёпанный том по теории иллюзий, – как щит. Её щит. Её единственное достояние.

Самый важный день в жизни любого мага. Распределение.

С двадцатилетием за спиной магический дар человека окончательно кристаллизовался, становясь видимым для высших сил. Боги выбирали себе слуг, чемпионов, пешек – кому что было угодно. Взаимовыгодный договор: покровительство и часть божественной силы в обмен на служение. Не получить покровительства было равно социальной смерти. Стать «неизбранным» – означало быть отринутым, стать никем. Пустым местом. Таким, какими были её родители.

Элиана сглотнула комок в горле, снова ощутив знакомый привкус жгучнй тоски. Они умерли от обычной лихорадки, потому что маги-целители не лечили «пустых».

– Смотри, Вейл до сих пор носит эти смешные стёкла, – прошипела рядом чья-то насмешливая фраза. Элиана машинально поправила очки на переносице. – Как она вообще окончила академию? У неё магии кот наплакал.

– Жалости ради, – флегматично ответил другой голос. – Ей бы богу смерти прислуживать, и на том спасибо.

Элиана стиснула зубы, заставляя себя смотреть вперёд, на подиум, где замер верховный арбитр в белой мантии, расшитой символами всех пантеонов. Она не была бездарной. Просто её магия была другой. Она не метала огненные шары и не призывала молнии. Её сила была тихой, манипулятивной, почти невидимой. Она могла сплести иллюзию такой тонкости, что самый зоркий страж принял бы её за реальность, могла шёпотом заставить замок повернуться, а стражника – уснуть, но на показных экзаменах, где ценилась грубая сила, её дар был бесполезен. Её считали слабой. Почти смертной.

Один за другим выпускники поднимались на мраморный круг, касались руны призыва и замирали в ожидании. Воздух трещал от энергии.

– Лиана Стормхольд! – громогласно объявил арбитр.

Девушка с волосами цвета воронова крыла уверенно шагнула вперёд. Её рука легла на камень. Над её головой вспых-

нул символ молнии, и в зале запахло грозой. Громовой раскат, эхо которого отозвалось в самих стенах, и перед ней материлизовался серебряный молот, парящий в воздухе.

– Покровитель – Тор! Бог Грома и Бури! – возвестил арбитр, и зал взорвался аплодисментами.

Лиана сияла, принимая свой артефакт.

Элиана наблюдала, и сердце её сжималось. Она видела, как Кассиан, стоящий в первых рядах, обменялся с кем-то улыбкой. Кассиан. Идеальный маг. Красивый, сильный, благородный. Его покровителем наверняка будет Тир, Бог Закона и Справедливости. Они почти не общались, но он единственный, кто никогда не смеялся над ней. Иногда даже помогал с теорией. Глупая, наивная часть её души надеялась, что если и ей достанется покровитель, хоть какой-нибудь, то это Кассиан посмотрит на неё по другому.

– Кассиан Вальтур!

Он поднялся на подиум, движения его были плавными и полными врождённого достоинства. Его рука коснулась руны. Воздух замер, наполнившись ощущением незыблемости, порядка. Вспышка ослепительного, чистого золотого света, и в воздухе проявился идеально сбалансированный золотой веер.

– Покровитель – Тир! Бог Справедливости и Закона! – прокричал арбитр.

Кассиан кивнул, с лёгкостью приняв веер. Его взгляд скользнул по толпе, на мгновение задержался на Элиане. Она

покраснела и опустила глаза.

Шёл час. Толпа редела. Каждый избранный отходил в сторону, сияющий, обретая своё место в мире. Каждый неизбранный – а таких была горстка – с позором покидали зал через боковую дверь, их лица были полны стыда и отчаяния. Их ждала жизнь на обочине.

Элиане становилось душно. Её ладони вспотели. Она молилась всем богам, о которых читала, чтобы только не разделить участь родителей. Хоть кто-нибудь. Хоть самый забытый, самый незначительный божок. Лишь бы не пустота.

– Элиана Вейл!

В зале на секунду воцарилась тишина, а затем пронёсся сдержанный шёпот. Она чувствовала на себе десятки насмешливых, любопытных, жалостливых взглядов. Ноги стали ватными. Она сделала шаг, потом другой, заставляя себя идти вперёд, к мраморному кругу. Её поношенные ботинки глухо стучали по каменным плитам. Казалось, она идёт вечность.

Вот она стоит в центре подиума. Руна призыва искрится перед ней холодным голубоватым светом. Сердце колотилось где-то в горле. Она глубоко вздохнула, отбросила страх – прочь, прочь все мысли, – и положила ладонь на шершавую, налитую силой поверхность камня.

Сначала ничего не происходило. Тишина стала давящей, тягучей. Чьё-то сдержанное хихиканье прокатилось по залу. Леденящий ужас сковал её изнутри. Нет. Нет, только не это.

Она сжала руку в кулак, впиваясь ногтями в ладонь, пытаясь выжать из себя хоть каплю магии, хоть что-то, что привлечёт внимание.

И тогда это случилось.

Не яркая вспышка, не благородный свет. Воздух вокруг неё сгустился, потемнел. Температура упала на несколько градусов. От руны поползла тень, быстрая и цепкая, как щупальце. Она обвила её запястье ледяной хваткой. Боль. Резкая, обжигающая, как удар раскалённым железом. Элиана вскрикнула и попыталась отдёрнуть руку, но тень держала её мёртвой хваткой.

На её коже, прямо на запястье, стал проявляться знак. Не сияющий символ, а словно выжженный кислотой, извилистый, сложный узор, от которого исходил зловещий зеленоватый отсвет. Он искрился в такт её бешеному сердцебиению, и с каждой пульсацией боль усиливалась, и тогда она услышала его. Голос. Низкий, бархатный, пронизанный ядовитой насмешкой и скукой. Он звучал не в ушах, а прямо в сознании, заполняя собой всё.

«Ну что ж… – произнёс голос, растягивая слова. – Посмотрим, на что ты годишься, маленькая мышка».

В зале повисла гробовая тишина. Даже арбитр, видавший виды, казался ошеломлённым. Он смотрел на знак на её руке, на тень, что всё ещё не отпускала её, с недоумением и суеверным страхом.

Воздух перед ней затрепетал, и материлизовалось два

предмета. Они упали к её ногам с металлическим лязгом. Два кинжала. Изумительной работы, с тонкими, изящными клинками, казалось, выточенными из обсидиана. Рукояти были инкрустированы змеиной кожей, а на гардах красовались стилизованные головы тех же существ. Но они не сияли божественным светом. Они, казалось, поглощали свет вокруг себя, отливая тусклым, опасным металлом.

Арбитр нашёл в себе силы говорить, но его голос дрогнул: – Покровитель… Локи. Бог Хитрости, Обмана и… Перемен.

Тишина взорвалась. Сначала шёпотом, потом громкими возгласами, смешками, полными недоумения и злорадства.

– Локи? Но он же… он же годами никого не избирал! – Боги, она и правда его? Несчастная… – Куда уж ему большего и желать? Посмотрите на неё! Идеальная пара! – Хоть бы он её быстро прикончил, а то смотреть тошно.

Элиана стояла, онемев, сжимая обожжённое запястье. Боль постепенно отступала, сменяясь ледяным оцепенением. Локи. Трикстер. Предатель. Бог, известный тем, что его подопечные либо сходили с ума, либо погибали при загадочных обстоятельствах, либо сами становились орудиями хаоса и разрушения. Его боялись даже другие боги.

Она машинально наклонилась и подняла кинжалы. Они были на удивление лёгкими, идеально ложась в руку. В тот момент, когда её пальцы сомкнулись на рукоятях, она почувствовала присутствие. Чуждое, холодное, бесконечно древ-

нее сознание коснулось её разума, оценивающе, безразлично, как человек рассматривает букашку под лупой, и тут же отшатнулось с ощущением, которое можно было бы интерпретировать как разочарование и брезгливость.

Её чуть не вырвало.

Она спустилась с подиума, и толпа перед ней расступилась, как перед прокажённой. Теперь в глазах людей были не просто насмешки, а настоящий, неподдельный страх. С ней было опасно находиться рядом. Она была игрушкой в руках капризного и злого божества.

Кассиан сделал шаг в её сторону, его лицо выражало тревогу и сочувствие, но его остановил товарищ, что-то тихо сказав ему на ухо. Кассиан замедлил, и его взгляд стал отстранённым. Элиана поняла. Даже он. Даже благородный Кассиан, слуга закона, не мог себе позволить связываться с подопечной Бога Обмана.

Она прошла через зал, сжимая в потных ладонях рукояти кинжалов, чувствуя, как её спину жгут сотни глаз. Ей нужно было выбраться отсюда. Нужно было подышать воздухом. Одной.

Она почти выбежала в пустынный коридор, прислонилась к холодной каменной стене, пытаясь перевести дыхание. Дрожь шла изнутри, мелкая, неконтролируемая. Она посмотрела на свои новые кинжалы. Артефакты её покровителя. Символ её позора и её проклятия.

– Ну что, – прошептала она сама себе, голос сорвался

на хрип. – Поздравляю, Вейл. Ты не неизбранная. Ты хуже.

Внезапно один из кинжалов в её руке дрогнул. Металл поплыл, изменил форму. Вместо изящного клинка у неё в руке оказалась старая, потрёпанная метла.

Элиана отшатнулась, едва не уронив её.

И снова тот голос прозвучал в её голове, полный ленивой, смертельной издевки.

«Наведи порядок, мышка. Твоё место – у мусорной кучи. Может, хоть тут пригодишься».

Голос стих, оставив после себя лишь горькое послевкусие унижения. Элиана с силой швырнула метлу об стену, где она с глухим стуком отскочила и снова приняла форму кинжала.

Она медленно сползла по стене на пол, подтянула колени к груди и закрыла лицо руками. По щекам текли горячие, злые слёзы. Она не плакала от страха или отчаяния. Она плакала от ярости. Ярости на богов, на академию, на всю эту несправедливую систему и больше всего – на него. На Локи.

Он ненавидел её с первого взгляда. Он видел в ней слабость, недостойную его внимания.

«Хорошо, – подумала она, сжимая кулаки и ощущая, как обожжённая кожа на запястье ноет в такт её мыслям. – Отлично. Ненавидь, но запомни одно, бог-недотёпа. Я тоже умею ненавидеть и я выживу. Назло тебе. Назло всем вам».

Она не знала, что это была первая мысль, которая заставила его, наблюдающего за ней из своей тени, на мгновение перестать скучать.

Элиана не знала, сколько времени просидела на холодном каменном полу, забившись в нишу уходящего в темноту коридора. Слёзы давно высохли, оставив после себя лишь стянутую кожу на щеках и холодную, кристаллизовавшуюся ярость в груди. Она смотрела на два кинжала, лежащих перед ней на плитах. Они снова приняли свою изначальную, смертоносную форму, бесстрастно отражая тусклый свет магических светильников. Артефакты бога. Её оковы.

Из Зала Молчания доносился приглушённый гул голосов – церемония подходила к концу. Скоро по коридорам хлынет толпа ликующих «избранных», и она не могла допустить, чтобы её увидели здесь, в таком жалком состоянии. Скомкав рукав мантии, она грубо вытерла лицо, с силой дёрнула себя за волосы, заставляя болью прогнать остатки оцепенения.

– Встань, – прошептала она сама себе, и голос прозвучал хрипло, но твёрдо. – Встань и иди. Ты выжила раньше, выживешь и теперь.

Опираясь на шершавую стену, она поднялась на ноги. Ноги дрожали, но подкашиваться отказались. Она сунула кинжалы за широкий кожаный пояс, пряча их под складками мантии. Нечего выставлять напоказ своё проклятие. Сделав глубокий вдох, она выпрямила плечи и шагнула вперёд, по направлению к жилым крыльям академии.

Её путь лежал через главный атриум – огромное помещение под стеклянным куполом, где ученики традиционно соби-

рались после важных событий. Сегодня здесь царило особенно оживлённое возбуждение. Воздух звенел от восторженных возгласов, смеха, щёлканья открывающихся бутылок с искристым вином, которое тут же появилось из ниоткуда в руках у празднующих студентов. Яркие вспышки магии – кто-то уже вовсю тестировал свои новые силы, запуская в воздух фейерверки или заставляя статуи оживать и танцевать джигу.

Элиана попыталась проскользнуть незаметно, прижимаясь к стенам, но это было бесполезно. Её заметили мгновенно.

Сначала просто замолкали, когда она проходила мимо. Потом начался шёпот.

– Смотри, это же она… – Движется, значит, жива. Пока что. – И что, Локи? Правда? – Видел бы ты её артефакты… жутковатые.

Она шла, глядя прямо перед собой, стараясь не встречаться ни с кем взглядом, но её пальцы непроизвольно сжимались в кулаки под мантией.

Внезапно её путь преградили трое. Двое парней и девушка, все из знатного клана Винтерсов, известные своими замашками и жестокостью. Их новые артефакты – ледяной посох, плащ из северного сияния и коготь какого-то фростового зверя – сияли на них, свидетельствуя о покровительстве богов зимы и стужи.

– Ну-ну, посмотрите, кто к нам пожаловал, – растянул сло-

ва старший из братьев, Горрин. Его глаза блестели от злорадства. – Сама фаворитка великого Обманщика. Неужто удостоил чести личным визитом или просто послал подмести полы в своём небесном чертоге?

Его спутники фыркнули. Элиана попыталась обойти их, но они сдвинулись, снова преградив дорогу.

– Куда спешишь, Вейл? – вступила девушка, Илдра. – Такая важная персона теперь. Наверное, задание уже получила? Надуть кого-нибудь? Карман у соседа обчистить?

– Отстаньте, Илдра, – тихо, но чётко сказала Элиана, пытаясь сохранить самообладание.

– Ой, а она нам указывает! – Горрин фальшиво удивился. – Слышали? Подружка Локи велит нам отстать, а что он нам сделает? Подует из-за угла? Подложит ледяную свинью в постель?

Он шагнул вперёд, навис над ней. От него пахло морозом и дорогим вином.

– Знаешь, что говорят о твоём новом партнёре? Что его подопечные долго не живут. Сходят с ума от его милостей или кончают с собой. Держись крепче, Вейл. Интересно, сколько ты продержишься? День? Неделю?

Он протянул руку, собираясь ткнуть пальцем в её грудь, но Элиана резко отшатнулась. В тот же миг она почувствовала странное движение за поясом. Один из кинжалов дрогнул и голос Локи, ленивый и ядовитый, прорезал её сознание, словно лезвие.

«Ох, как грубо… Не нравятся мне эти морозные выскочки. Их спесь так и просится, чтобы её… подпортили. Давай, мышка. Покажи, что можешь укусить. Хотя бы разок».

Элиана замерла. Это было не просто наблюдение. Это был намёк. Призыв к действию и в её груди, поверх страха и ярости, вспыхнуло новое, отвратительное чувство – любопытство.

Горрин, не добившись реакции, усмехнулся и повернулся к своим друзьям.

– Ладно, не стоит тратить время. Всё равно скоро…

Он не договорил. Элиана, не отдавая себе отчёта, почему она это делает, мысленно потянулась к тому странному, холодному присутствию в глубине своего сознания. Она не просила о силе. Она просто пожелала. Желала, чтобы его плащ, этот великолепный плащ из сияния, сиял чуть менее ярко, чтобы в нём появился изъян.

Она едва заметно шевельнула пальцами, спрятанными в складках мантии, шепнула на древнем языке пару слов, смысл которых сама до конца не понимала и плащ Горрина дрогнул. Яркие переливы цвета на мгновение померкли, а затем на спине, прямо между лопаток, проступило тёмное, маслянистое пятно. Оно было совсем небольшим, но формой оно отдалённо напоминало собачьи экскременты.

Илдра первая это заметила. Её глаза округлились.

– Горрин, твой плащ! Что это?

Горрин резко обернулся, пытаясь разглядеть свою спину.

– Что? Что там?

– Какое-то… пятно, – с отвращением сказал второй парень, пялясь на артефакт. – Похоже на… фу, мерзость!

Горрин, краснея от злости и смущения, сорвал плащ с плеч и стал его разглядывать. Пятно не исчезало. Оно казалось въевшимся в саму ткань магии. Вокруг уже начали собираться зеваки, указывая пальцами и подавляя смешки. Позор для такого тщеславного человека был хуже боли.

– Это ты! – прошипел он, обрушивая свой гнев на Элиану. – Это твои грязные трюки, ведьма!

Элиана уже пожалела о своей выходке. Теперь он действительно мог её убить, но отступать было поздно. Она посмотрела на него прямо, впервые за этот день почувствовав проблеск чего-то, отдалённо напоминающего контроль.

– Я всего лишь стояла здесь, – сказала она, и голос её звучал удивительно спокойно. – Может, твой бог просто решил, что ты слишком много о себе возомнил? Или это Локи шлёт тебе свой… привет.

Имя бога, произнесённое вслух, заставило Горрина замереть. Ярость на его лице смешалась с суеверным страхом. Он скомкал испорченный плащ, швырнул его на пол.

– Ты ещё пожалеешь об этом, Вейл, – прохрипел он, но в его тоне уже не было прежней уверенности. – Идём.

Он развернулся и, отталкивая зевак, быстрым шагом направился к выходу. Его приспешники бросились за ним.

Толпа постепенно расходилась, бросая на Элиану взгля-

ды, в которых теперь читался уже не только страх, но и острое любопытство. С ней было не просто опасно – с ней было непредсказуемо.

Элиана выдохнула, чувствуя, как дрожь снова пробирается в ноги. Она едва не сделала шаг, как услышала за спиной знакомый голос.

– Элиана.

Она обернулась. Кассиан. Он стоял в нескольких шагах, его золотой веер был заткнут за пояс, а на лице застыло выражение лёгкой тревоги.

– Кассиан, – она кивнула, стараясь выглядеть непринуждённо.

– Я видел, что произошло. Ты в порядке? – он сделал шаг вперёд, но не приблизился слишком близко. Дистанция чувствовалась физически.

– Прекрасно, – она не смогла сдержать сарказма. – Как видишь, жива-здорова и даже немного поразвлеклась.

Он поморщился.

– Горрин – идиот, но дразнить его… Элиана, сейчас не лучшее время для демонстрации силы.

– О, а я разве демонстрировала силу? – она подняла брови. – Мне показалось, это был всего лишь несчастный случай с его новенькой игрушкой. Разве богиня зимы не добра и не справедлива? Наверное, он просто чем-то её прогневал.

Кассиан смотрел на неё, и в его глазах читалась неподдельная озабоченность.

– Не делай этого. Не играй в его игры.

– В чьи? – она сделала наивное лицо.

– Ты знаешь, о ком я. Локи. – Он понизил голос, произнося это имя, как будто оно могло обжечь. – Его подопечные… они меняются. Не к лучшему. Он вьёт из них верёвки, а потом бросает, когда они ему надоедают. Я не хочу, чтобы с тобой это случилось.

Его искренность больно кольнула её. Она хотела крикнуть, что у неё нет выбора, что её выбрали точно так же, как выбрали мусор для помойки, но она лишь горько усмехнулась.

– Мило с твоей стороны беспокоиться, Кассиан, но, кажется, мой путь теперь определён. Ты – слуга закона и порядка, а я… – она указала большим пальцем на себя, – я теперь воплощение хаоса и перемен. Нам, наверное, не стоит общаться. Испачкаешь свою белоснежную мантию.

Она видела, как её слова ранят его, и ей стало мерзко от самой себя, но это было необходимо. Он был светом, а её теперь навсегда окутала тень.

– Элиана, пожалуйста… – он снова попытался что-то сказать, но его перебил громкий, властный голос.

– Кассиан! Идём! Нас ждут старшие братья Тира на совещании!

К ним подошёл рослый юноша с таким же золотым веером на поясе – ещё один новый подопечный бога Закона. Он бросил на Элиану уничижительный взгляд.

Кассиан замешкался, разрываясь между долгом и чем-то ещё.

– Мне нужно идти.

– Конечно, – кивнула Элиана, отвернувшись. – Не заставляй ждать сильных мира сего.

Она слышала, как он ушёл. Теперь она снова была одна. Ещё более одинока, чем пять минут назад.

Она поспешила к выходу из атриума, чувствуя, что ещё секунда – и она расклеится окончательно. Ей нужно было добраться до своей комнаты. Запереться. Остаться наедине со своим новым, ужасным даром.

Её комната находилась в самой дальней, старой башне академии, куда селили тех, у кого не было влиятельных покровителей или богатых семей. Узкая винтовая лестница, скрипучие половицы. Она дошла до своей двери, обтёрла пот с ладоней о мантию, прежде чем толкнуть тяжёлое дерево.

Комната была крошечной: кровать, письменный стол, заваленный книгами, и маленькое оконце, в которое было видно лишь клочок хмурого неба. Убого, но своё. Её крепость.

Она захлопнула дверь за спиной, прислонилась к ней и закрыла глаза, пытаясь унять бешеный стук сердца. Тишина. Наконец-то тишина.

Она открыла глаза и вздрогнула.

На её кровати, развалившись с непринуждённостью полного хозяина, сидел он.

Тень. Нет, не совсем тень. Это была более плотная, сгу-

щённая темнота, принявшая человекообразную форму. Высокие скулы, насмешливый изгиб губ, которые не были губами, а лишь намёком на них и глаза. Два уголька холодного изумрудного огня, которые горели в глубине теневого лика и были прикованы к ней.

Он был здесь. В её комнате.

Элиана замерла, парализованная страхом и ненавистью.

«Ну что, – раздался в её голове тот самый бархатный, ядовитый голос. Теперь он звучал отчётливее, будто он находился в шаге от неё. – Принесла мои кинжалы? Не растеряла по дороге, надеюсь».

Она не ответила, сжимая кулаки. Её взгляд упал на кинжалы за её поясом.

«О, не стоит. Это бесполезно. Они тебя не послушаются. Пока что. Они отвечают только на мою волю. Как, впрочем, и ты».

– Убирайся, – прошипела она, находя в себе силы говорить. Голос дрожал от напора эмоций.

Теневая фигура медленно поднялась с кровати. Она была высокая, невероятно высокая, и ей пришлось задрать голову, чтобы встретиться с этим ледяным взглядом. Он парил в полушаге от пола, и холодный ужас исходил от него волнами.

«Как грубо. Я пришёл познакомиться с моей новой… подопечной и должен сказать, моё первое впечатление лишь подтвердилось. Ты скучна. Жалка. Предсказуема. Такая же, как все эти никчёмные букашки, копошащиеся в грязи».

Он сделал невесомый шаг вперёд, и Элиана невольно отпрянула, прижимаясь спиной к двери.

– Тогда отпусти меня, – выдохнула она. – Найди себе другую. Сильную. Я тебе не нужна.

«О, нет-нет-нет, – он засмеялся, и этот звук был похож на лёгкий, смертельный мороз, скользящий по стеклу. – Правила есть правила. Ты коснулась руны, я ответил. Теперь ты моя. Моя вещь. Моя игрушка и я буду играть с тобой, пока ты не сломаешься или… пока не станешь хоть сколько-нибудь интересной».

Он протянул руку – длинные, тонкие пальцы из тени – и провёл ей перед её лицом, не касаясь.

«Эта жалкая сценка с плащом… Это всё, на что ты способна? Мелкая пакость? Я ожидал большего. Надеялся, что в тебе есть хоть искра…»

– Я не обязана соответствовать твоим ожиданиям! – выкрикнула она, и её собственная смелость удивила её.

Зелёные угольки глаз вспыхнули ярче.

«О, обязана, милая. Обязана. Потому что, если ты не развлечёшь меня, я найду другие способы получить удовольствие. Твой друг, например… Кассиан, кажется? Красивый мальчик. Уверен, из него можно вытянуть море слёз, боли и отчаяния. Ты же не хочешь, чтобы он пострадал из-за твоей… скучности?»

Сердце Элианы упало. Он знал. Он уже знал её слабость.

– Ты… мерзавец, – прошептала она, ненавидя его всей

душой.

«Наконец-то! – он снова рассмеялся, и в этот раз в его смехе звучала неподдельная радость. – Первая искренняя эмоция! Ненависть. Прекрасное начало. Гораздо лучше скучного страха. Лелеей её, моя дорогая. Взращивай. Ненависть – отличное топливо».

Он отплыл назад, его форма начала рассеиваться, становиться более прозрачной.

«Завтра на рассвете. Западные сады. Будь там. Не заставляй меня ждать или твой милый Кассиан узнает, каково это – внезапно лишиться дара речи прямо во время торжественной речи перед советом».

– Что? Подожди! – крикнула она. – Что я должна делать?

Но было поздно. Тень растаяла, растворилась в воздухе, оставив после себя лишь лёгкий запах озона и горькой полыни. Да ледяное, нестираемое ощущение его присутствия где-то на задворках её сознания.

Элиана медленно сползла по двери на пол. Дрожь била её уже не переставая. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться, но холод шёл изнутри.

Он был здесь. Он будет приходить снова. Он будет мучить её, использовать, гробить её жизнь и жизни тех, кто ей дорог, просто чтобы развеять свою божественную скуку.

Слёзы снова навернулись на глаза, но на этот раз она их с яростью смахнула.

– Нет, – сказала она сама себе, глядя на свои дрожащие

руки. – Ты не заплачешь. Ты не сломаешься. Он хочет ненависть? Он её получит. Он хочет игру? Хорошо, но правила будешь устанавливать не только ты.

Она посмотрела на кинжалы Локи, лежащие на полу. Они лежали там, куда она их швырнула, входя в комнату. Безжизненные, холодные, чужие.

Медленно, очень медленно она потянулась к ним. Её пальцы дрожали, но она заставила их сомкнуться вокруг рукояти одного из клинков. Металл был ледяным.

– Моя игрушка? – прошептала она, глядя на своё отражение в потускневшем лезвии. – Посмотрим, кто кого сломает, бог-обманщик. Посмотрим.

В глубине сознания, в том самом уголке, где теперь поселилось чужое присутствие, ей почудился тихий, заинтересованный смешок.

Игра начиналась.

Глава 2. Уроки Хаоса

Рассвет в академии «Элириум» был временем призрачного спокойствия. Длинные синие тени тянулись от башен, роса серебрилась на листьях вечнозелёных кустарников, а воздух, ещё не успевший прогреться, был холодным и чистым, но для Элианы этот рассвет был похож на приближение к плахе.

Она почти не спала. Всю ночь ворочалась, прислушиваясь к тишине, в которой ей чудился насмешливый шёпот. Её запястье ныло тупой, напоминающей болью – шрам от прикосновения Локи иногда искрился, будто второе сердце. Она встала до звонка будильника, натянула самую простую и прочную одежду – тёмные штаны, свободную рубашку, – и, не глядя на лежащие на столе кинжалы, вышла из комнаты.

Западные сады были самым уединённым местом в академии. Сюда редко заглядывали ученики, предпочитавшие парадные цветники и фонтаны. Здесь же царил полудикий хаос: старые, причудливо изогнутые деревья, заросли папоротника в человеческий рост, ручей, бегущий по камням, и полуразрушенная беседка, обвитая плющом. Место, идеально подходящее для тайных встреч и тёмных дел.

Элиана стояла на мшистой поляне, ёжась от утреннего холода. Она чувствовала себя невероятно глупо не понимая,

что же она должна делать. Тренироваться? Ждать указаний? Ненависть к Локи кипела в ней, смешиваясь с унизительным страхом перед неизвестностью.

– Я начинаю думать, что ты всё-таки страдаешь замедленностью мысли, – раздался прямо у неё за ухом бархатный, ядовитый голос.

Элиана вздрогнула и резко обернулась. Он был здесь. Не тенью, не голосом в голове. Он стоял в трёх шагах от неё, воплощённый в плоть, и от этого было в тысячу раз страшнее.

Он выглядел почти обычным. Высокий, гибкий, одетый в одежды из мягкой зелёной и чёрной кожи, напоминавшие наряд странствующего актёра или ловкого вора. Его лицо было поразительно красивым – острые черты, насмешливый рот, огненно-рыжие волосы, собранные у лица в мелкие косы, но глаза выдавали в нём древнее, нечеловеческое существо. Глаза цвета зимнего неба, изумрудные, холодные, проницательные и бесконечно уставшие. В них плескалась бездонная глубина вековой скуки и внезапные всполохи аметистового огня, когда на его лице пробегала тень эмоции.

– Что? Ни поклона, ни почтительного приветствия? – он склонил голову набок, изображая обиду. – И это после того, как я почтил тебя своим физическим присутствием. Я даже потрудился обрести форму, которую твои жалкие чувства способны воспринять. Неблагодарность.

Элиана сглотнула комок в горле, сжимая кулаки. Она

не собиралась ему кланяться.

– Ты сказал быть здесь. Я здесь. Что дальше? Будешь учить меня красть кошельки или подкладывать кнопки на стулья?

Локи улыбнулся. Его улыбка была ослепительной и совершенно недоброй.

– О, нет, моя дорогая. Красть кошельки – это для жуликов. Мы займёмся… искусством. Искусством управляемого хаоса, но для начала – базовая дисциплина. Выживание.

Он небрежным движением руки указал на поляну.

– Беги.

Элиана поморщилась.

– Что?

– Ты ослушалась или твои уши тоже не функционируют? Беги. Вперёд. Быстро. Пока я не нашёл это зрелище слишком унылым и не решил развлечься иначе. Например, превратив твои волосы в гнездо для особенно злобных птиц.

Она не двинулась с места, смотря на него с вызовом.

– Я не понимаю, какое отношение это имеет к магии.

– Всё имеет отношение ко всему, – парировал он, и его голос потерял оттенок шутки, став холодным и острым, как лезвие. – Твоё тело – сосуд. Хилый, хрупкий, жалкий сосуд. Ты задыхаешься, не пробежав и ста шагов. Твои мышцы дрожат от напряжения, когда ты держишь мои кинжалы. Как ты собираешься творить хаос, если тебя может свалить с ног легкий ветерок? Беги. Это не предложение.

Последняя фраза прозвучала с такой ледяной угрозой, что ноги Элианы сами понесли её вперёд. Она побежала по краю поляны, чувствуя, как глупо это выглядит. Бег не был её сильной стороной. Через пару минут дыхание сбилось, в боку закололо.

– Скучно! – крикнул ей вслед Локи. Он не двигался с места, наблюдая за ней с выражением крайней скуки на лице. – Ты бежишь, как раненая корова! Добавь скорости! Или, может, тебе нужна мотивация?

Он щёлкнул пальцами.

Впереди из-за корней старого дуба выползла тень. Не просто отсутствие света, а нечто плотное, живое. Она приняла форму крупной, тощей гончей с глазами из угля и капающей со щелок слюной. Тварь издала низкий, рычащий звук и ринулась за ней.

Элиана вскрикнула от ужаса и припустила что было сил. Адреналин ударил в голову, заставив забыть о боли в боку. Она слышала за спиной тяжёлое дыхание и топот когтей по земле.

– Не по тому же кругу! – прокричал Локи, и в его голосе снова появилась веселая нотка. – Прояви изобретательность! Хаос любит непредсказуемость!

Она свернула с тропинки, нырнула в заросли папоротника. Колючие ветки хлестали её по лицу и рукам. За спиной тварь неумолимо преследовала, с треском ломая кусты.

– Неплохо! – одобрил Локи, и его голос звучал прямо у неё

в ухе, хотя физически он был далеко. – Но ты забываешь о главном! Окружающая среда – твой союзник!

Элиана, почти падая от усталости, увидела впереди ручей и полузасохшее дерево, перекинутое через него как мост. У неё мелькнула идея. Отчаянный, безумный план. Она рванула к дереву, вскарабкалась на него и, скользя и цепляясь, перебралась на другой берег. Оказавшись там, она изо всех сил толкнула ствол. Гнилое дерево с треском подломилось и рухнуло в воду.

Теневая гончая, не сумев затормозить, прыгнула за ней и свалилась в ручей с глухим всплеском. Раздался шипящий звук, как от раскалённого металла, опущенного в воду, и тварь растворилась в клубах чёрного пара.

Элиана стояла на берегу, опираясь на колени, и судорожно глотала воздух. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Весь её организм требовал кислорода.

Негромкие хлопки в ладоши заставили её поднять голову. Локи стоял на противоположном берегу, через весь ручей, и аплодировал с преувеличенной почтительностью.

– Браво! – крикнул он. – Настоящий триумф интелекта над грубой силой! Правда, интелекту потребовалось десять минут, чтобы сообразить, как справиться с простейшим псом, но прогресс налицо! Может, из тебя всё-таки выйдет не совсем уж никчёмное создание.

Он легко перешагнул через широкий ручей, просто появившись на её стороне, не сделав ни шага. От него не пахло

потом и страхом. Он пах озоном и холодным ветром.

– Ну что, – он осмотрел её с ног до головы с видом опытного коневода, оценивающего клячу. – Дыхание сбито, пульс за двести, мышцы трясутся. Идиотская трата ресурсов. Теперь – урок второй. Восстановление.

– Я… не могу… – выдохнула Элиана, всё ещё не в силах выпрямиться.

– Ты можешь, – его голос снова стал твёрдым и не терпящим возражений. – Ты просто не знаешь как. Твоя магия – это не только фокусы для простофиль. Это часть тебя. Она может подпитывать тело, ускорять востановление, но ты зажала её в самой дальней кладовке своего сознания и пользуешься ею, как слепая – палкой. Найди её. Почувствуй поток и заставь его течь по венам вместо крови. Сейчас.

– Я не знаю как! – взорвалась она, наконец распрямившись. Её лицо было красным от напряжения, волосы прилипли ко лбу. – Меня не учили этому! Меня учили теории! Иллюзиям!

– Ах да, твои знаменитые иллюзии, – он скривился. – Показать кому-то розового пони вместо преподавателя? Очень грозно. Мир содрогнётся. – Он резко шагнул вперёд и схватил её за запястье, именно за то, где был выжжен его знак. Боль, острая и жгучая, пронзила её. – Сосредоточься! Не на моём прикосновении, а на том, что под ним. На энергии, что пульсирует в тебе. Она есть. Я чувствую её. Жалкую искру, но всё же. Дыши глубоко и представь, что с каждым

вдохом ты втягиваешь в себя не воздух, а силу, а с каждым выдохом – распределяешь её по телу. Заставь её гореть.

Элиана зажмурилась, пытаясь сделать, что он говорит. Сначала ничего не получалось. Она чувствовала только его пальцы на своей коже, боль, унижение, но потом, сквозь панику, она ухватилась за его голос как за якорь. Вдох. Сила. Выдох. Распределить.

И что-то произошло. Словно где-то глубоко внутри повернули ключ. Лёгкое, едва заметное тепло пробежало по её жилам, снимая остроту мышечной боли. Дыхание стало выравниваться, сердцебиение – замедляться. Это было странно и непривычно, будто она выпила что-то очень крепкое и бодрящее.

Локи следил за ней своим холодным взглядом, и на его лице мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

– Вот видишь. Не совсем безнадёжно. Хотя и близко к тому. – Он отпустил её запястье. – Теперь – самое интересное. Поймай меня.

Элиана с недоумением посмотрела на него.

– Что?

– Ты оглохла? Поймай меня. – Он улыбнулся своей ослепительной, опасной улыбкой. – Если, конечно, сможешь.

Он сделал шаг назад, и его фигура задрожала, стала прозрачной.

– Подожди! – крикнула Элиана, но было поздно. Он растворился в утреннем воздухе.

Она осталась одна на поляне, в полной тишине, нарушаемой лишь щебетом птиц. Неужели он ушёл? Просто так? Нет, не могло быть всё так просто.

«Начинаем, мышка!» – его голос пронёсся у неё в голове, и от него мурашки побежали по коже.

Она огляделась. Никого. Кусты шевельнулись слева от неё. Она рванула туда, раздвигая ветки, но там никого не было, только испуганная белка выскочила и умчалась прочь.

«Холодно! Совсем не туда!»

Справа раздался щелчок. Она обернулась. На ветке старого дерева сидела ворона и смотрела на неё и её глаза были не птичьими, а знакомыми холодными зелёными. Ворона каркнула – и это прозвучало точь-в-точь как его смех – и вспорхнула, улетая.

– Прекрати! – крикнула Элиана в пустоту. – Это нечестно!

«Честность? – в её сознании прозвучал издевательский вздох. – О, милая, мы же не на уроке этики у Тира. Здесь нет правил. Есть только цель. Поймай меня. Используй всё, что у тебя есть или признай своё поражение и сдайся. Тогда… тогда мы перейдём к моим методам мотивации. Ты же помнишь о Кассиане?»

Упоминание его имени задело её за живое. Она стиснула зубы. Хорошо. Хочешь игры? Получишь.

Она перестала бегать туда-сюда как угорелая. Она замерла на середине поляны, закрыла глаза и прислушалась.

Не ушами. А тем самым новым, только что открывшимся чувством – внутренним зрением, что улавливало потоки магии. Она искала его. Его холодное, чужеродное, мощное присутствие.

Сначала – ничего. Лишь тихий гул жизни сада. Потом слабый импульс. Прямо над ней. Она резко подняла голову и вскинула руку, не думая, повинуясь инстинкту. Из её пальцев вырвалась слабая, почти невидимая нить энергии – бледно-лиловая, как её личная магия. Она не знала, что это и зачем, просто сделала.

Раздался легкий звук, словно кто-то споткнулся о невидимую преграду, и с ветки высокого дерева сорвалась тень, приняв на мгновение форму Локи, прежде чем он грациозно перекувыркнулся в воздухе и приземлился на ноги перед ней с выражением крайнего удивления на лице.

Он выпрямился, смахнул с плеча несуществующую пыль и уставился на неё. Его зелёные глаза сузились.

– Интересно, – произнёс он уже вслух, и его голос потерял привычную насмешку, став задумчивым и оценивающим. – Крайне интересно. Ты не должна была этого чувствовать и уж тем более – не должна была суметь это сделать.

Элиана, сама шокированная своим поступком, опустила руку. Её пальцы слегка дрожали.

– Я… я просто…

– Ты просто сделала, – он закончил за неё. Он подошёл ближе, впервые рассматривая её не как досадную помеху,

а как некий любопытный феномен. – Без мысли, без подготовки. Чистый инстинкт. Возможно, в тебе есть что-то… от животного. Что-то первобытное. Это объясняет твою жалкую физическую форму и это… спонтанное проявление воли.

Его слова должны были обидеть, но произнесены они были с таким неподдельным научным интересом, что она даже не нашла, что ответить.

– Ладно, – он махнул рукой, и его привычная маска скуки и превосходства вернулась на место. – На сегодня достаточно. Ты меня… не разочаровала. Пока что. – Он повернулся, чтобы уйти.

– Подожди, – неожиданно для себя остановила его Элиана. – Что это было? Эта нить?

Он обернулся, подняв брови.

– А ты сама как думаешь, о великая инстинктивная? Ты что-то почувствовала и отреагировала. Это и есть основа. Всё остальное – лишь контроль и сила. Силы у тебя – кот наплакал, а контроль… – он многозначительно посмотрел на её всё ещё дрожащие руки, – оставляет желать лучшего, но семя есть. Будем надеяться, что оно не такое чахлое, как его хозяйка.

Он сделал ещё шаг и снова остановился, словно вспомнив что-то. – Ах да. Практическое задание, чтобы закрепить успех.

Он щёлкнул пальцами, и перед ней в воздухе возник

образ – маленький, изящный медный свисток, висящий на шнурке на шее у одного из младших преподавателей, мастера Финдли.

– Его любимая игрушка. Подарок покровительницы, богини ветров. Он дудит в него, когда хочет вызвать ветерок для своих опытов. Мне он не нравится. Мне не нравится его противный, визгливый звук. До завтрашнего рассвета он должен быть у меня. Не принесёшь – твой друг Кассиан проснётся с зелёными волосами. Невыносимо яркого, ядовитого оттенка. Удачи.

Не дав ей ничего сказать, он рассмеялся и растворился в воздухе, на этот раз по-настоящему.

Элиана осталась одна. Снова. Её тело ныло от усталости, но внутри всё горело. От ярости. От унижения и от странного, непонятного чувства гордости за тот единственный миг, когда она заставила его удивиться.

Она посмотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали. но теперь она знала, что в ней есть что-то, чего она сама не понимала. Что-то, что заинтересовало бога и теперь ей нужно было украсть у преподавателя его личную вещь. Великолепно.

Ступая по дорожке обратно к общежитию, она чувствовала, как на неё смотрят. Не только птицы и белки. Чувство было таким же острым, как и в саду. Он наблюдал. Интересовался.

Игра действительно начиналась, но теперь у неё появилась

первая, крошечная фишка на кону. Его внимание.

Она шла, обдумывая план похищения свистка, и на её губах появилась самая первая за этот день улыбка – узкая, острая и совершенно недобрая.

«Хорошо, Локи, – подумала она. – Поглядим, кто кого перехитрит».

Элиана шла по коридорам академии, и каждый шаг отдавался в её теле ноющей болью. Утренняя тренировка с Локи вытянула из неё все силы, а ведь день только начинался. Теперь ей предстояло украсть свисток у мастера Финдли. Мысль об этом вызывала тошноту. Финдли был одним из немногих преподавателей, кто относился к ней нейтрально, без насмешек или жалости и теперь она должна была предать его доверие ради прихоти капризного бога.

Она добралась до своей комнаты, чтобы хоть немного прийти в себя перед лекцией по истории магии. Дверь была приоткрыта. Элиана нахмурилась – она точно помнила, что захлопнула её за собой. Осторожно, нащупав рукоять одного из кинжалов, она толкнула дверь.

В её крошечной комнате царил хаос. Вещи из шкафа были выброшены на пол, книги сметены со стола, матрас на кровати сдвинут и разрезан, из него торчали клочья пакли. Посреди этого беспорядка, прислонившись к стене и с интересом изучая какую-то безделушку с её полки, стоял Рейнар, глава стражи академии и подопечный Одина. Его артефакт – тяжёлое, украшенное рунами копьё – было прислонено ря-

дом.

– Что… что это значит? – выдохнула Элиана, застыв на пороге. Холодный ужас сковал её. Её крепость была разрушена.

Рейнар медленно повернул к ней своё суровое, обезображенное шрамом лицо. Его единственный глаз холодно оценил её.

– Обыск, Вейл. По приказу совета магов.

– По какому поводу? – голос её дрогнул, но она заставила себя выпрямиться. – Я не делала ничего противозаконного.

– Твой покровитель – само противозаконье, – отрезал Рейнар, бросив безделушку на пол. Она с треском разбилась. – После вчерашнего инцидента с плащом Горрина Винтерса совет счёл нужным проверить, не принесла ли ты в стены академии какую-нибудь… пагубу. Не завела ли запрещённых артефактов. Не начала ли практиковать тёмные ритуалы.

– Это был несчастный случай! – солгала Элиана, чувствуя, как краснеет. – Или шутка самого Локи! Я здесь ни при чём!

– Именно это мы и проверяем, – Рейнар прошёлся по комнате, тыча носком сапога в её разбросанные вещи. – Один не одобряет союзов с Предателем. Его методы… непредсказуемы и опасны для устоявшегося порядка. Если ты станешь его оружием…

– Я ничьё оружие! – вспылила она, но тут же замолчала, почувствовав на себе тяжёлый взгляд.

Рейнар остановился перед ней, нависнув всей своей могучей фигурой.

– Смотри, Вейл, – произнёс он тихо, и в его тихом голосе было куда больше угрозы, чем в крике. – Я буду следить за тобой. За каждым твоим шагом. Один всевидящ и если ты сделаешь хоть одно неверное движение, хоть на йоту отклонишься от закона… я лично позабочусь о том, чтобы тебя изолировали. Навсегда. Понятно?

Элиана не ответила, просто сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Ненависть, горькая и беспомощная, подступала к горлу.

Рейнар, удовлетворившись её молчанием, взял своё копьё и направился к выходу. В дверях он обернулся.

– Приберись здесь. Беспорядок отвлекает от учёбы.

Он ушёл, оставив её одну среди разгрома. Элиана медленно опустилась на корточки, подняла осколки своей безделушки – это была маленькая фарфоровая лиса, единственная вещь, оставшаяся от родителей. Теперь и её не было.

Слёзы подступили к глазам, но она с яростью смахнула их.

«Не плакать. Он этого хочет. Они все этого хотят».

Собрав волю в кулак, она начала механически складывать вещи обратно в шкаф, поправлять матрас. Унижение жгло её изнутри. За что? За то, что её выбрали? За то, что она пыталась защититься?

Внезапно в её голове пронеслись слова Локи: «Хаос – это не разрушение. Хаос – это возможность. Возможность всё

смести и построить заново. По-своему».

Она задумалась.

«Рейнар искал что-то конкретное или просто запугивал? Может, это был не только обыск, но и… предупреждение? Кому? Ей или через неё – Локи?»

Мысли путались. Она закончила уборку, наскоро переоделась в чистую одежду и, бросив взгляд на часы, поняла, что опаздывает на лекцию.

Аудитория была полная. Шёпот, который прошёл по рядам, когда она вошла, заставил её сгорбиться. Она пробралась на своё обычное место на галёрке, в самом углу, стараясь стать как можно незаметнее.

Лекцию вёл седой мастер Элмонд, говоривший монотонным голосом о договорах богов и людей после великой разделительной войны. Элиана обычно любила эти уроки, но сегодня не могла сосредоточиться. Мысли возвращались к Рейнару, к разгромленной комнате, к заданию Локи.

Её взгляд упал на Кассиана. Он сидел в первом ряду, идеально прямой, внимательно слушая и делая пометки в своём конспекте золотым пером. Солнечный луч падал на его светлые волосы, и он казался воплощением всего правильного, упорядоченного, законного. Совершенная противоположность тому, чем стала она.

Как будто почувствовав её взгляд, он обернулся. Их глаза встретились на секунду. Элиана тут же опустила взгляд, уставившись в свой пустой пергамент. Она чувствовала, как

он смотрит на неё, чувствовала его беспокойство, его вопросы, но она не могла поднять взгляд. Стыд и злость парализовали её.

После лекции она попыталась улизнуть первой, но он нагнал её в коридоре.

– Элиана, подожди.

Она не остановилась, ускорив шаг.

– Мне нужно спешить, Кассиан.

– Я видел, что к тебе приходил страж, – он догнал её и шагнул рядом. Его лицо было серьёзным. – Рейнар? Что он хотел?

– Что обычно хочет Рейнар? – она горько усмехнулась, не глядя на него. – Утвердить порядок. Напомнить, где моё место.

– Он обыскал твою комнату? – в голосе Кассиана прозвучало возмущение. – На каком основании?

– На основании того, что мой покровитель – вне закона, – она резко остановилась и наконец посмотрела на него. – И я, по аналогии, тоже. Так что, Кассиан, лучше держись от меня подальше, а то и твою безупречную репутацию запятнаю.

Она видела, как он сжимает челюсти. В его глазах шла борьба между долгом и чем-то ещё не понятным ей.

– Это несправедливо. Ты не сделала ничего плохого.

– Пока что, – мрачно парировала она. – Но кто знает, что будет завтра? Может, я и правда начну практиковать тёмные ритуалы, чтобы развеять скуку.

– Не говори так, – он понизил голос. – Я могу поговорить со старшими…

– Нет! – её ответ прозвучал резче, чем она планировала. Она смягчила тон. – Не надо. Это только усугубит ситуацию. Рейнар будет считать, что я настраиваю тебя против них. Просто… забудь обо мне, ладно?

Она увидела, как её слова ранят его, и ей снова стало плохо. Она развернулась, чтобы уйти.

– Я не могу, – тихо сказал он ей вслед.

Она замерла, не оборачиваясь.

– Я не могу просто забыть, – продолжил он. – И я не верю, что ты изменилась. Не из-за какого-то клейма на руке.

Элиана сжала руку на запястье, чувствуя, как шрам под тканью пульсирует в такт её учащённому сердцебиению.

«Если бы ты только знал, Кассиан, – подумала она с горькой иронией. – Если бы ты только знал, что я должна украсть у мастера Финдли его свисток именно сегодня».

– Ты слишком многого обо мне думаешь, – бросила она через плечо и почти побежала прочь, оставив его одного в коридоре.

Остаток дня прошёл в мучительных раздумьях как украсть свисток. Мастер Финдли, специалист по воздушным потокам и метеорологии, был чудаковатым, но не глупым человеком. Его кабинет находился в башне Ветров, и он редко его покидал, особенно сейчас, когда шла подготовка к ежегодному празднику воздушных змеев, где его свисток был

ключевым инструментом.

Элиана провела несколько часов в библиотеке, изучая расписание Финдли и планы башни. Штурмовать его кабинет было самоубийством. Нужен был обман. Хитрость.

И тут она вспомнила слова Локи: «Искусство управляемого хаоса».

«Что, если создать диверсию? Отвлечь его, но чем?»

Финдли был помешан на двух вещах: на своей работе и на своих любимых кактусах, которые он коллекционировал и которые стояли у него на всех подоконниках.

План, отчаянный и безумный, начал формироваться у неё в голове. Рискованный, глупый, но другого выбора у неё не было.

Вечером, под покровом темноты, она прокралась в оранжерею академии. Сердце бешено колотилось. Она никогда раньше не делала ничего подобного. Она была образцовой ученицей до вчерашнего дня.

Найдя нужный ей кактус – редкий цереус, цветущий раз в десятилетие, – она аккуратно, с помощью заклинания на шёпоте, отделила один из его побегов и завернула в тряпицу. Пора было уходить, но тут она услышала шаги. Сердце упало. Она замерла за большим горшком с папоротником.

Мимо прошли двое стражников, лениво переговариваясь.

– …и Рейнар сказал, чтобы усилили патруль у башни Ветров. Боится, что его новенькая устроит там погром.

– Подумать только, Локи. Давно у нас такого не было. Ин-

тересно, сколько она продержится.

– Держу пари, неделю. Горрин говорит, она и магией-то толком не может пользоваться.

Элиана стиснула зубы. Так значит, Рейнар уже принял меры. Украсть свисток стало ещё сложнее, но и отступать было поздно.

Она дождалась, пока стражники уйдут, и выбралась из оранжереи. Побег кактуса безжалостно колол ей ладонь даже через ткань.

Ночью она почти не спала, обдумывая детали. На рассвете она была уже на ногах. Она надела тёмный, неприметный плащ и взяла с собой кинжалы Локи, чувствуя их холодную, враждебную тяжесть. Они всё ещё не подчинялись ей, но носить их было приказом.

Она заняла позицию в укромном уголке внутреннего двора, откуда был виден вход в башню Ветров. Финдли обычно появлялся на рассвете, чтобы надышаться свежим воздухом пока все спят.

И вот он вышел – маленький, суетливый человечек с взъерошенными седыми волосами, в очках, съехавших на кончик носа. На его шее, на кожаном шнурке, висел тот самый медный свисток. Элиана затаила дыхание.

Она дождалась, пока он сделает несколько кругов по двору, глубоко вдыхая воздух и что-то бормоча себе под нос. Потом, когда он повернулся к ней спиной, она действовала.

Достав побег кактуса, она шепнула заклинание – простое,

одно из первых, что она выучила. Иллюзия. Она спроецировала образ огромного, редкого жука-оленя, который сел на самый любимый кактус Финдли, стоявший на окне его кабинета на втором этаже. Жук был нереально большим и ярким, но она сделала его максимально убедительным.

– О, боже мой! – вскрикнул Финдли, заметив движение в окне. Его лицо исказилось ужасом. – Нет! Прочь от него, мерзкое создание! Мой бедный Арнольд!

Не раздумывая, он бросился обратно в башню, чтобы спасти своё растение.

Сердце Элианы колотилось как молот. Это был её шанс. Она знала, что у него на столе всегда лежали черновики и блокноты. Пока он будет на втором этаже, она успеет провернуть свой план.

Она выскользнула из укрытия и, пригнувшись, подбежала к открытой двери башни. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. В ушах отавалось громким гулом собственное сердцебиение. Она проскользнула внутрь.

Кабинет был таким, каким она его помнила: завален свитками, картами с погодными фронтами, склянками с пылью и песком и на столе, рядом с потрёпанным фолиантом, лежал тот самый свисток. Он словно ждал её.

С верхнего этажа донёсся возмущённый крик Финдли: «Куда же он подевался? Исчез! Чудно же!»

Времени не было. Элиана рванула к столу, схватила свисток. Металл был тёплым от тела хозяина. На секунду её

охватила волна стыда. Она обкрадывала человека, который никогда не делал ей зла.

«Или твой друг Кассиан проснётся с зелёными волосами», – пронеслось в памяти.

Стиснув зубы, она сунула свисток в карман и бросилась к выходу. Она выскочила во двор и, не оглядываясь, помчалась прочь, в сторону заброшенного флигеля.

Только там, в тени старой стены, она остановилась, опершись о холодный камень и пытаясь отдышаться. У неё получилось. Она это сделала. Обманула преподавателя и украла его вещь.

Вместо ожидаемого чувства удовлетворения её охватила пустота и отвращение к самой себе.

– Ну что, – раздался знакомый насмешливый голос. – Добыча в руках? Покажи.

Она обернулась. Локи сидел на низкой ограде, болтая ногами. Он выглядел довольным, как кот, слизавший сливки.

Молча, не глядя на него, она протянула ему свисток.

Он взял его длинными пальцами, покрутил, поднёс к глазу, будто рассматривая диковинку.

– И как тебе твой первый настоящий грех? Чувствуешь головокружение? Тошноту? Непреодолимое желание покаяться перед своим милым Тиром? – он прыгнул с ограды и подошёл к ней вплотную. – Или, может, тебе… понравилось?

– Отстань, – прошипела она, отворачиваясь. Ей было физически плохо.

– О, нет, нет, нет, – он засмеялся. – Это же часть процесса. Первый шаг. Ты переступила через свои жалкие моральные принципы. Ради чего? Ради того, чтобы избежать наказания? Ради того, чтобы защитить своего мальчика? – Он наклонился к её уху. Его дыхание было холодным. – Это и есть твоя истинная природа, Элиана Вейл. Не иллюзии. Не тихое послушание. Это. Страх. И умение идти на сделку с совестью, когда на кону стоит то, что тебе дорого. Добро пожаловать в мир взрослых.

Он отступил на шаг и подбросил свисток в воздух. Медный предмет исчез, не упав.

– Неплохо. Грязно, чопорно, с кучей ненужного риска… но для первого раза сойдёт. Ты хотя бы не попалась. Что, впрочем, не отменяет твоего наказания.

Элиана с изумлением посмотрела на него.

– Что? Но я же… я сделала, что ты просил!

– Ты опоздала на семь минут, – холодно констатировал он. – Рассвет уже наступил, а я терпеть не могу непунктуальность.

Он щёлкнул пальцами и мир вокруг Элианы изменился.

Крики. Со всех сторон. Пронзительные, визгливые, нечеловеческие крики. Она оглянулась и поняла, что стоит посреди внутреннего двора академии. Вокруг бегали ученики, указывая на неё пальцами и хохоча до слёз. Нет, не на неё. На нечто у неё над головой.

Она подняла взгляд и увидела огромную, неоново-розо-

вую шляпу в виде головы утки. Абсурдную, нелепую, с большим жёлтым клювом и стеклянными глазами. Она была на её голове.

– Смотрите! Утка-Вейл! – закричал кто-то.

– Новый артефакт от Локи? – неслось со всех сторон. Хохот звенел в ушах.

Элиана попыталась сорвать это чудовище с головы, но шляпа будто приросла. Она не двигалась.

– Убирай это! – закричала она в пустоту, чувствуя, как горит от стыда. – Немедленно!

Голос Локи прозвучал у неё в голове, полный злорадного удовольствия.

«Но она же тебе так идёт, дорогая! Просто очарование! Носи до вечера. В назидание. А теперь беги. Пока тебя не заклевали насмерть».

Хохот вокруг нарастал. Кто-то уже достал камеру, чтобы запечатлеть её позор. Элиана, не помня себя от унижения, рванула с места, пробиваясь сквозь толпу хохотавших однокурсников, с огромной утиной головой, болтающейся у неё на макушке.

Она бежала, и слёзы наконец хлынули из её глаз, смешиваясь со смехом толпы. Она ненавидела его. Ненавидела всеми фибрами души, но где-то глубоко внутри, под слоями стыда и ярости, шевелилась крошечная, чёрная мысль. Мысль о том, как она однажды заставит его заплатить за всё это и мысль эта была такой сладкой, что почти что пугала её са-

му.

Глава 3. Яд и позолота

Следующие несколько дней Элиана провела, пытаясь стать невидимкой. Позор утиной шляпы, которая в итоге исчезла ровно в полночь, прилип к её репутации прочнее любого клейма. Теперь её звали не иначе как «утка» или «кряква», а при встрече с ней ученики сдерживали смешки, прикрывая рты. Она замыкалась в себе, отвечала на подколы ледяным молчанием и проводила всё свободное время в самой дальней части библиотеки, где пахло пылью и старой бумагой, а не людьми.

Но Локи не собирался давать ей передышки.

Он являлся ей каждое утро на рассвете в Западных садах. Его уроки стали кошмарной рутиной. Он не учил её магии в привычном понимании. Он учил её хаосу. Как находить слабые места в заклинаниях защиты и не усиливать их, а развязывать один виток магии, чтобы всё сооружение рухнуло. Как слышать ложь в голосе и не разоблачать её, а подыгрывать, закручивая клубок обмана туже. Как использовать чужие страхи и желания против них самих.

Элиана ненавидела каждую секунду этого, но она училась. Потому что страх перед ним и желание выжить были сильнее отвращения. А ещё потому, что где-то в глубине души её цепкий, аналитический ум признавал гениальность его методов. Извращённую, злую, но гениальность.

Однажды утром он не заставил её бегать и не натравил на неё теневое творение. Он просто сидел на ветке старого дуба, раскачивая ногами, и наблюдал, как она, вспотевшая и злая, отрабатывает манёвры уклонения по его приказу.

– На сегодня хватит, – внезапно произнёс он, и в его голосе звучала привычная скука. – Мне наскучило это зрелище. Ты двигаешься, как беременная корова на льду. Перейдём к чему-то более… утончённому.

Он спрыгнул с дерева, бесшумно приземлившись перед ней. В руках он вертел яблоко – сочное, румяное, идеальное. Он откусил кусок и жевал с преувеличенным удовольствием.

– Есть две мухи, – начал он, не глядя на неё. – Вернее, два паука, сидящих в одной паутине и считающих себя её полновластными хозяевами. Семья Винтерсов и семья Аэонусов. Слышала о таких?

Элиана кивнула, с подозрением наблюдая за ним. Винтерсы, покровители богов зимы и льда, и Аэонусы, избранные богиней времени Хронос, были двумя самыми влиятельными кланами в академии после самих божественных потомков. Их соперничество было легендарным и длилось не одно столетие.

– Они терпеть не могут друг друга, – продолжил Локи. – Но в последнее время их вражда стала… слишком церемониальной. Скучной. Они соблюдают правила приличия. Обмениваются колкостями на балах, соревнуются на турнирах… предсказуемо. Мне это не нравится.

Он откусил ещё кусок яблока.

– Я хочу, чтобы они вспомнили, что такое настоящая ненависть. Хочу, чтобы их паутина треснула по всем швам. Хочу публичного, громкого, сочного скандала, чтобы кровь лилась рекой, чтобы обвинения летели, чтобы их хрупкий альянс рассыпался в прах. – Он повернулся к ней, и в его глазах вспыхнули те самые аметистовые искры предвкушения. – И ты мне в этом поможешь.

Элиана почувствовала, как у неё похолодело внутри.

– Что я должна сделать?

– Что угодно, – он махнул рукой. – Подбрось письмо с угрозами от имени одного клана другому. Укради фамильную реликвию и оставь следы, ведущие к их врагам. Найди какую-нибудь их общую грязную тайну и облей её помоями на центральной площади. Неважно. Прояви фантазию. Я даю тебе три дня.

– Нет, – слово вырвалось у Элианы прежде, чем она успела обдумать его.

Локи замер с яблоком на полпути ко рту. Он медленно опустил руку.

– Повтори? Мне показалось, ты сказала что-то невероятно глупое.

– Я сказала «нет», – повторила она, чувствуя, как дрожь поднимается от коленей к животу, но не отступая. – Я не буду этого делать. Их вражда – это их дело. Я не стану разжигать её ещё сильнее. Кто-то может пострадать.

Локи смотрел на неё несколько секунд, а затем тихо, беззвучно рассмеялся.

– О, боже мой. Ты и правда так думаешь? Что это просто их дело? – Он швырнул яблоко в кусты. – Эти пауки десятилетиями плетут интриги, уничтожают тех, кто слабее, покупают и продают влияния. Их церемониальная вражда уже стоила жизни десяткам неизбранных, которые оказались на их пути, но ты переживаешь, что кто-то пострадает, если они наконец-то схватятся за глотки по-настоящему? Какая трогательная, идиотская избирательная мораль.

– Это не моё дело! – отрезала она. – И я не буду твоим оружием в этой игре.

– Ты – моё оружие во всём, что мне заблагорассудится, – его голос стал тише и опаснее. – Я не прошу. Я приказываю.

– А я отказываюсь, – выдохнула она, сжимая кулаки. Она знала, что это безумие, но принцип не позволял ей сдаться. Ненавидеть её – это одно, но стравливать других…

Локи медленно подошёл к ней. Он был так близко, что она чувствовала исходящий от него холод.

– Ты забыла, с кем разговариваешь, мышка. Ты забыла, кто я. – Он протянул руку и провёл холодным пальцем по её щеке. Она вздрогнула, но не отпрянула. – Я мог бы заставить тебя. Сломать твою волю, превратить тебя в послушную куклу, но это было бы скучно. Гораздо интереснее посмотреть, как долго ты сможешь держаться за свои жалкие принципы, прежде чем реальность заставит тебя их отпустить.

Его рука переместилась к её запястью, к его собственному знаку. Боль, острая и жгучая, пронзила её.

– Раз уж ты так любишь справедливость… сегодня ты получишь её сполна. В назидание.

Он отпустил её и отступил на шаг, его лицо озарилось злой и в то же время радостной улыбкой.

– Наслаждайся своим днём, Элиана. Он будет… показательным.

С этими словами он растворился в воздухе.

Элиана осталась стоять одна, с бешено колотящимся сердцем и ноющей болью в запястье.

«Что он задумал? Что значит „показательный день“?»

Она так и не поняла это, пока не добралась до главного зала на ланч.

Обычно в это время зал гудел от голосов, но сегодня там стояла неестественная тишина. Ученики столпились у одной из колонн, что-то рассматривая и перешёптываясь, когда Элиана подошла ближе, толпа расступилась, и она увидела.

На колонне висел щит с гербом дома Винтерсов – ледяной медведь на лазурном поле и кто-то измазал его чем-то бурым, дурно пахнущим, и нацарапал поверх грязными буквами: «Аэонусы – потомки дворняг и вырожденцев».

Рядом на полу лежала разбитая стеклянная сфера – явно магический артефакт, связанный с манипуляциями временем, специальность Аэонусов и на ней было выведено то же самое вонючее вещество: «Винтерсы сосут ледяные сосуль-

ки».

Элиана замерла. Это была грубая, детская провокация, но достаточно оскорбительная, чтобы сработать.

– Это она! – раздался чей-то крик. Это был младший из Винтерсов, тот самый Горрин, с испорченным плащом. Он указывал на Элиану дрожащим пальцем. – Это её почерк! Подлые трюки Локи! Смотрите! Она даже не скрывает своего удовольствия!

Элиана с изумлением поняла, что на её лице действительно застыла улыбка. Небольшая, непроизвольная. Локи не просто подстроил провокацию. Он заставил её выглядеть виновной. Он управлял её телом, её выражениями лица.

– Я… я не… – попыталась она сказать, но её голос был слабым.

– Враньё! – крикнула кто-то из клана Аэонусов. – Это явно работа Винтерсов! Они хотят выставить нас варварами, которые пачкают стены! Посмотрите, чем измазан щит! Это же экскременты ледяного тролля! А они как раз недавно заключали контракт с троллями!

– Как смеете! – взревел Горрин. – Это вы подстроили всё, чтобы очернить нас! Разбить нашу реликвию! Никто кроме Аэонусов не владеет временными петлями так, чтобы сфера разбилась именно так!

Начался хаос. Обвинения летели с обеих сторон. Кто-то кого-то толкнул. Кто-то выхватил магический удар.

И все это время Элиана стояла в центре бури, и на её лице

играла эта дурацкая, самодовольная улыбка. Она пыталась с силой стереть её, сделать лицо безразличным, но мышцы не слушались. Локи держал её на кукловедческих нитях.

И тогда появился он. Не физически. Его голос прозвучал прямо у неё в ухе, тихий, полный сладостного злорадства.

«Ну что, защитница справедливости? Нравится тебе быть причиной такого беспредела? Смотри, как они готовы перегрызть глотки друг другу. И всё из-за тебя. Вернее, из-за меня, но со стороны выглядит, что это ты во всём виновата».

– Прекрати, – прошептала она, стиснув зубы.

«О, мы только начинаем. Смотри-ка, кто это?»

Двери в зал распахнулись, и появился Рейнар в сопровождении стражников. Его единственный глаз горел холодным гневом.

– Что здесь происходит? Немедленно прекратить!

Толпа затихла, расходясь перед ним. Его взгляд упал на испорченный щит, на разбитую сферу, и наконец – на Элиану с её идиотской ухмылкой.

– Вейл, – произнёс он ледяным тоном. – Это твоих рук дело?

– Она! – крикнули сразу несколько голосов с обеих сторон.

– Это не я! – наконец вырвалось у Элианы, и улыбка на её лице наконец исчезла, смытая волной ужаса. – Я только вошла! Это… это Локи!

– Конечно, – медленно произнёс Рейнар, подходя к ней. –

Это всегда Локи, а ты – всего лишь невинная жертва. Удобная позиция. – Он остановился перед ней, подавляя её своей массой. – Ты нарушаешь мир в стенах академии. Сеешь раздор. Я предупреждал тебя.

– Но я не… – она попыталась отступить, но её окружили стражники.

– Задержать её, – бросил Рейнар через плечо. – До выяснения обстоятельств. Отвести в камеру строгого содержания.

– Нет! – вскрикнула Элиана, когда один из стражников схватил её за руку. Паника ослепила её. Камера строгого содержания – это не просто комната. Это магически изолированная клетка, где нельзя было использовать силу. Туда отправляли буйных или тех, кого подозревали в тёмной магии. – Вы не можете! У меня нет доказательств!

– У нас есть десятки свидетелей, которые видели твою… улыбку, – сказал Рейнар с отвращением. – Для меня это доказательство более чем достаточное. Увести.

Её поволокли к выходу. Толпа снова зашумела, кто-то кричал о незаконности, кто-то – что так ей и надо. Элиана отчаянно пыталась вырваться, но хватка стража была железной.

И тут её взгляд упал на Кассиана. Он стоял в стороне, его лицо было бледным и напряжённым. Их глаза встретились. В его взгляде она увидела смятение, недоверие и боль. Боль от того, что он видел её радость на лице. Он не верил ей. Он не мог поверить.

Это осознание добило её. Она перестала сопротивляться, позволив увести себя, опустошённая и разбитая.

Камера содержания оказалась такой, какой она её и представляла: маленькое, голое помещение без окон, стены которого были покрыты подавляющими рунами. Дверь захлопнулась за её спиной с тихим, но окончательным щелчком. Магия вокруг неё затихла, стала тяжёлой и вязкой, как смола. Она не могла бы соткать даже самую простую иллюзию.

Она просидела на холодном каменном полу несколько часов, уставившись в стену. Унижение, ярость и бессилие сменяли друг друга. Локи добился своего. Он не просто наказал её – он выставил её виновной в глазах всех. Он показал ей, что её принципы ничего не стоят, когда он решает поиграть.

Сумерки уже сгущались за дверью, когда воздух в камере задрожал и стал холоднее. Тень отделилась от стены и приняла его форму. Локи появился перед ней, скрестив руки на груди и смотря на неё с довольным видом.

– Ну что, – произнёс он. – Как тебе новая обитель? Немного аскетично, но, думаю, тебе идёт на пользу. Развивает смирение.

Элиана даже не подняла на него глаз.

– Доволен?

– Несказанно, – он уселся на корточки перед ней, заставляя посмотреть на него. Его зелёные глаза светились в полумраке. – Ты видела их лица? Этих самодовольных идиотов? Они так легко повелись на самую примитивную улов-

ку. Их гордость, их спесь – это такая хрупкая вещь. Стоило лишь ткнуть в неё пальцем, и всё их благородство рассыпалось в прах, а твой друг… Кассиан, кажется? Он смотрел на тебя, как на ядовитую змею, которую он по ошибке пригрел на груди. Великолепное зрелище.

– Я тебя ненавижу, – прошептала она, и в её голосе не было сил, только плоская, безжизненная констатация факта.

– Знаю, – он улыбнулся, и его улыбка была ослепительной и пустой. – Это единственное, что пока что делает тебя интересной. Твоя ненависть – это единственное, что горит в тебе по-настоящему ярко. Всё остальное – жалкий тлен.

Он провёл рукой по воздуху, и руны на стенах на мгновение погасли. Подавление исчезло. Элиана вздрогнула, почувствовав внезапный прилив силы, как глоток ледяной воды после долгой жажды.

– Я мог бы оставить тебя здесь гнить, – задумчиво сказал он. – Но ты мне ещё пригодишься. Твоя тщетная борьба со мной и с самой собой… это пока что лучшее развлечение, что у меня было за последние столетия. – Он встал. – Задание остаётся в силе. Три дня и на этот раз, – его голос стал острым, как лезвие, – ты его выполнишь. Потому что если нет… в следующий раз я не ограничусь улыбкой. Я заставлю тебя своими руками зарезать кого-нибудь на центральной площади. Понятно?

Элиана молчала, глядя на него с ненавистью.

– Я сказал, понятно? – повторил он, и в воздухе запахло

грозой.

– Понятно, – выдавила она.

– Прекрасно. – Он повернулся к стене и сделал шаг, будто собираясь пройти сквозь неё. – О, и не беспокойся о двери. Она уже открыта. Рейнар внезапно вспомнил, что у него нет достаточно доказательств для содержания под стражей. Удивительно, как быстро меняются мнения смертных, не правда ли?

Он исчез, оставив её одну в камере с незапертой дверью.

Элиана сидела ещё несколько минут, не двигаясь. Потом медленно поднялась. Ноги были ватными. Она вышла в пустой коридор. Было поздно, вокруг никого.

Она побрела обратно в свою комнату, чувствуя себя грязной, униженной и сломленной. Он победил. Он показал ей, что у неё нет выбора. Что её воля, её принципы – ничто перед его силой и коварством.

Она заперла дверь, прислонилась к ней и закрыла глаза. По щекам текли слёзы, но на этот раз это были не слёзы ярости. Это были слёзы поражения.

Она ненавидела его, но больше всего в этот момент она ненавидела себя за то, что где-то в глубине души она уже обдумывала, как лучше выполнить его приказ. Какую ложь посеять, какую тайну раскрыть, чтобы вызвать самый громкий скандал.

И этот внутренний голос, холодный и расчётливый, пугал её больше, чем любое проявление Локи. Потому что это был

её собственный голос.

Элиана не помнила, как добралась до своей комнаты. Дверь захлопнулась за ней с глухим стуком, окончательно отгораживая от внешнего мира, который стал враждебным и невыносимым. Она прислонилась к грубой деревянной поверхности, пытаясь перевести дыхание, но воздух словно застыл в лёгких, густой и отравленный стыдом.

Она проскользила по двери на пол, обхватив колени руками. Холод камня проникал сквозь тонкую ткань штанов, но она его почти не чувствовала. Внутри всё горело. Горело от унижения, от бессильной ярости, от предательства собственного тела. Эта дурацкая, злорадная ухмылка, навязанная ей Локи, будто выжглась на её лице клеймом. Она чувствовала, как мышцы щёк до сих пор ноют от непривычного, насильственного напряжения.

«Они всё видели. Все поверили. Кассиан…»

Мысль о нём пронзила её острой болью, куда более реальной, чем угрозы Локи или грубость Рейнара. В его глазах она увидела не просто разочарование – она увидела конец. Конец той тихой, робкой симпатии, что росла между ними всё это время. Конец надежде на то, что хоть кто-то в этом мире видит в ней не подопечную Локи, а просто Элиану.

Она сжала кулаки, и ногти впились в ладони, оставляя красные полумесяцы. Слёзы, которые она сдерживала всё это время, хлынули ручьями, беззвучные и горькие. Она не рыдала. Она просто сидела и плакала, чувствуя, как по ще-

кам катятся горячие капли, смывая остатки гордости и самоуважения.

Так она просидела неизвестно сколько. Сумерки за окном сменились густой ночной тьмой. В комнате стало холодно. Её тело затекло, но она не двигалась, парализованная апатией и отчаянием.

Внезапно в углу комнаты, там, где сходились тени, воздух затрепетал. Он появился без звука, как всегда. Не в физической форме, а как сгусток мрака и холода, из которого проступали знакомые черты – насмешливый изгиб губ, холодные зелёные глаза.

– Ну что, – раздался в её сознании его бархатный, ядовитый голос. – Насладилась гостеприимством Рейнара? Надеюсь, камеры содержания оправдали твои ожидания. Мне всегда нравилась их… лаконичная атмосфера.

Элиана даже не пошевелилась. Она просто подняла на него заплаканные, опухшие глаза, полные такой немой ненависти, что, казалось, воздух должен был закипеть.

Локи фыркнул, материализовавшись полностью. Он прошёлся по комнате, бегло осматривая её скудные пожитки, словно впервые здесь.

– О, не смотри на меня так. В конце концов, это ты сама во всём виновата. Могла бы выполнить простое задание, избежав всего этого неприятного… недоразумения, но нет, ты решила проявить характер. – Он остановился перед ней, склонив голову набок. – И что, довольна результатом? Прин-

ципы оказались той крепостью, за которую стоит умирать или, в твоём случае, – сидеть на холодном полу и реветь?

– Убирайся, – прошипела она, и голос её звучал хрило и надломленно.

– О, нет, милая. Я здесь, чтобы преподать тебе следующий урок. Урок смирения и… прагматизма. – Он присел на корточки перед ней, оказавшись с ней на одном уровне. Его близость была невыносимой, от него пахло озоном и чем-то горьким, как полынь. – Ты всё ещё думаешь, что у тебя есть выбор, что ты можешь сказать мне «нет»? Сегодняшний день должен был показать тебе обратное. Ты – моя вещь. Моя собственность и я могу делать с тобой всё, что захочу. Могу выставить тебя посмешищем. Могу посадить в клетку. Могу заставить твоих друзей презирать тебя. – Он протянул руку и прикоснулся холодным пальцем к её мокрой щеке. Она вздрогнула, но не отстранилась, парализованная отвращением. – Или… я могу дать тебе силу. Силу, чтобы никогда больше не чувствовать себя так, как сейчас. Силу, чтобы отвечать тем, кто смеялся над тобой. Силу, чтобы заставить таких, как Рейнар, плясать под твою дудку. Всё, что для этого нужно – перестать бороться с неизбежным и принять свои новые… возможности.

Его слова, обволакивающие и отравленные, проникали в самое сознание, находили слабые места. Она ненавидела его, но она ненавидела и свою беспомощность и одно постепенно начинало перевешивать другое.

– Я не хочу твоей силы, – выдохнула она, но в её голосе уже не было прежней убеждённости.

– Врёшь, – мягко парировал он. – Ты хочешь. Ты хочешь этого больше всего на свете. Ты просто боишься цены, но позволь мне открыть тебе маленький секрет, – он наклонился к её уху, и его шёпот был похож на шелест ядовитой змеи. – Цена уже заплачена. Ты уже отдала свою репутацию, своё достоинство, своё право на дружбу. Осталось лишь забрать то, что тебе причитается взамен. Не быть проигравшей, а стать… игроком.

Он отстранился и встал, глядя на неё сверху вниз.

– Задание остаётся в силе. Вражда между Винтерсами и Аэонусами должна вспыхнуть с новой силой. Публично, громко, безвозвратно. У тебя есть два дня. Не заставляй меня снова вмешиваться. В следующий раз последствия будут куда менее… обратимы. Для тебя и для тех, кого ты по-глупому пытаешься защитить.

Он не стал дожидаться ответа. Его фигура задрожала и растворилась в темноте, оставив после себя лишь лёгкий морозный след и тяжёлое, давящее чувство.

Элиана осталась сидеть на полу. Его слова висели в воздухе, ядовитые и неотвязные.

«Цена уже заплачена… Осталось лишь забрать то, что тебе причитается…»

Она медленно поднялась на ноги. Ноги подкашивались, но она нашла в себе силы дойти до кровати и рухнуть на неё.

Она не могла больше плакать. Внутри всё опустело и выгорело. Осталась только холодная, трезвая ярость и горькое осознание правды его слов.

Она проиграла. Она пыталась сопротивляться, и в награду получила публичное унижение, потерю доверия единственного человека, который ей небезразличен, и клетку. Сопротивление было бессмысленным. Оно делало её только слабее.

«А что, если… что, если он прав? Что, если я должна использовать то, что он мне даёт? Не для его утех, а для себя? Чтобы защищаться? Чтобы больше никогда не чувствовать себя такой беспомощной?»

Мысль была опасной, соблазнительной, как яд. Она отгоняла её от себя, но она возвращалась снова и снова, настойчивее и настойчивее.

Она не спала всю ночь. Лежала в темноте и смотрела в потолок, пока за окном не начал бледнеть горизонт и когда первые лучи солнца упали на стену её комнаты, решение было принято. Не смиренное, не покорное. Холодное, отчаянное и полное ненависти.

Она не будет его игрушкой, но она перестанет бороться с ветряными мельницами. Она примет его правила. Играть в его игру, но чтобы выиграть, чтобы однажды повернуть его же оружие против него самого.

Она встала, подошла к умывальнику и плеснула в лицо ледяной воды. Вода смыла следы слёз. В зеркале на неё смотре-

ло бледное, осунувшееся лицо с тёмными кругами под глазами, но в этих глазах уже не было прежней потерянности. В них горел холодный, решительный огонь.

Первым делом – информация. Она не могла действовать вслепую. Она провела весь день в библиотеке, зарывшись в пыльные фолианты и генеалогические древа. Она изучала историю вражды Винтерсов и Аэонусов, искала старые скандалы, невыплаченные долги, тайные любовные связи. Она выискивала слабые места.

Локи не появлялся, но она чувствовала его присутствие. Чувствовала, как он наблюдает за ней с любопытством, оценивая её перемену. Она игнорировала это чувство, целиком сосредоточившись на работе.

К вечеру у неё был план. Грязный, низкий, именно такой, какой понравился бы Локи, но у неё не было выбора.

Речь шла о юном наследнике клана Аэонусов, Лиране. Красивом, тщеславном и не самом умном юноше, который считал себя донжуаном и о дочери одного из старейшин клана Винтерсов, Элмире. Скромной, набожной девушке, которая была помолвлена с другим – с выходцем из третьего, нейтрального клана, дабы укрепить союз.

Элиана узнала, что Лиран какое-то время пытался за ней ухаживать, но получил решительный отпор. Его самолюбие было задето. Это была идеальная почва.

Она нашла его в одной из общих гостиных, где он с товарищами играл в кости, хвастаясь своими очередными побе-

дами. Она подождала, пока он ненадолго отойдёт от стола, и приблизилась к нему.

– Лиран Аэонус? – сказала она тихо.

Он обернулся, и на его лице сначала отразилось удивление, а затем презрительная усмешка.

– А, это ты. Утка-Вейл. Чего надо? Принесла новую утку от своего хозяина?

Она заставила себя улыбнуться, хотя внутри всё сжималось от ненависти.

– Я принесла информацию. Насчёт твоей… несостоявшейся пассии. Эльмиры Винтер.

Лиран нахмурился, но в его глазах вспыхнуло любопытство.

– Что с ней?

– Она не просто так тебя отвергла, – понизила голос Элиана, вживаясь в роль, которую сама для себя придумала. – Она… обсуждала тебя со своими подругами. Говорила, что ты… – она сделала паузу для драмотического эффекта, – недостаточно хорошо сложен для мужчины из её круга, что у тебя… ну, ты понимаешь… не всё в порядке с наследством предков. Что ты… неполноценный.

Лиран побагровел. Его тщеславие было его ахиллесовой пятой.

– Она что?! – прошипел он, сжимая кулаки. – Эта бледная моль… посмела?!

– Она не просто посмела, – продолжила Элиана, насла-

ждаясь тем, как легко он ведётся. – Она сказала, что предпочтёт тебе самого последнего конюха, лишь бы он был… настоящим мужчиной. Все её подруги сейчас только об этом и говорят. Думают, что ты… – она многозначительно замолчала.

Лиран был в ярости. Его лицо исказилось гримасой гнева.

– Я ей покажу! Я заставлю её пожалеть о каждом слове!

– О, я уверена, что ты сможешь, – сладко сказала Элиана. – Но будь осторожен. Её жених… он может вступиться.

– Пусть попробует! – фыркнул Лиран и, не прощаясь, бросился прочь, явно чтобы что-то замыслить.

Первый камень был брошен.

На следующее утро, перед занятиями, Элиана подкараулила Эльмиру Винтер, когда та шла из часовни. Девушка выглядела спокойной и умиротворённой.

– Эльмира? – мягко окликнула её Элиана.

Девушка вздрогнула и обернулась. Увидев Элиану, её лицо вытянулось от страха и недоверия.

– Ты… что тебе нужно? Отстань от меня!

– Мне просто нужно тебе кое-что сказать, – Элиана сделала лицо полным искреннего сочувствия. – Это насчёт Лирана Аэонуса.

Эльмира побледнела.

– Я не хочу о нём слышать!

– Но ты должна, – настаивала Элиана. – Он… он распускает о тебе ужасные слухи. Говорит, что ты сама к нему приста-

вала, что ты чуть ли не силой пыталась его соблазнить, а когда он отказал, стала распускать сплетни, что он… не способен на мужской поступок. Он всем рассказывает, что ты… истеричка и лгунья.

Эльмира ахнула, прикрыв рот рукой. Её глаза наполнились слезами.

– Но это… это неправда! Он сам ко мне приставал и я ему отказала! Как он смеет?!

– Он Аэонус, – пожала плечами Элиана с показной грустью. – Они все такие. Думают, что могут безнаказанно унижать девушек из других кланов. Он ещё и хвастается, что… ну, что ты на самом деле ему не отказала, что всё было совсем наоборот.

Эльмира залилась краской стыда и гнева. Её благочестивое спокойствие испарилось без следа.

– Это чудовище! Я… я всё расскажу отцу! Он вынудит его публично извиниться!

– Думаешь, ему поверят? – мягко спросила Элиана. – Против слова Аэонуса? Ты же знаешь, как всё устроено.

Сказав это, она развернулась и ушла, оставив Эльмиру в состоянии полнейшего смятения и ярости.

Семена были посеяны. Осталось лишь ждать урожая.

Он не заставил себя ждать. Уже во время большой перемены в главном атриуме разгорелся скандал. Лиран Аэонус, подстрекаемый своими друзьями, громко и похабно комментировал достоинства Эльмиры Винтер, намекая на то, что

она далеко не так невинна, как кажется.

Брат Эльмиры, тот самый Горрин, не выдержал. Он набросился на Лирана с кулаками. В считанные секунды атриум превратился в поле битвы. Представители двух кланов рванули защищать своих, летели заклинания, слышались крики, звенело разбитое стекло. Это был не просто спор. Это была настоящая массовая драка, полная настоящей, неприкрытой ненависти.

Элиана стояла в стороне, в тени колонны, и наблюдала. Она не чувствовала удовлетворения. Только тяжёлый, холодный камень на душе. Она сделала это. Она развязала эту грязь, эти оскорбления и это насилие.

И тут он появился рядом. Невидимый для всех, кроме неё. Его пальцы легли на её плечо, холодные и властные.

«Браво, – прошептал он в её сознании, и в его голосе звучало неподдельное восхищение. – Великолепно. Грязно, низко, идеально. Ты видела их лица? Слышала эти крики? Это и есть настоящая природа этих так называемых благородных существ. Стоило лишь копнуть чуть глубже, и наружу полезла грязь, зависть и злоба. Ты развязала это. Ты».

Она молчала, глядя на то, как Рейнар и его стражи с трудом разнимают дерущихся, осыпая их ледяными заклинаниями.

«Что, не рада? Не чувствуешь торжества справедливости? – он засмеялся. – А ведь ты всего лишь дала им повод показать своё истинное лицо. Они всегда были такими. Ты

просто… убрала крышку с котла».

– Заткнись, – тихо сказала она.

Его пальцы больно впились в её плечо.

«О, нет. Я буду говорить. Я хочу, чтобы ты запомнила этот момент. Запомнила, на что ты способна. Ты думала, что твоя сила – в иллюзиях? Нет. Твоя сила – в правде. В той уродливой, грязной правде, что прячется в сердце каждого человека. Ты умеешь её видеть и теперь ты научилась ею пользоваться. Это и есть твой настоящий дар, Элиана. Дар, который я в тебе открыл».

Он отпустил её плечо.

«На сегодня свободна. Ты заслужила отдых, но помни… это только начало».

Он исчез. Элиана осталась стоять одна, пока вокруг царил хаос, который она сама и вызвала. Она чувствовала на себе взгляды. Несколько человек, не вовлечённых в драку, смотрели на неё с ужасом и пониманием. Они видели, как она разговаривала и с Лираном, и с Эльмирой. Они всё поняли.

Среди них был и Кассиан. Он стоял по другую сторону зала, его лицо было бледным и суровым. Их взгляды встретились через всю сумятицу. В его глазах не было ненависти. Там было что-то худшее – разочарование и глубокая, непоправимая печаль

Он медленно покачал головой и отвернулся, уходя прочь.

И в этот момент Элиана поняла, что Локи был прав. Цена действительно была заплачена. Она перешла черту и пути

назад уже не было.

Глава 4. Жертва лжи

Воздух в главном зале академии «Элизиум» всегда вибрировал от магии. Он был густым, сладковатым и обжигающе холодным на вкус, как дорогое вино, о котором Элиана могла только читать в книгах. Сегодня он казался ей особенно удушающим. Каждый взгляд, брошенный в её сторону, каждый шёпот за спиной впивался в кожу крошечными ледяными иглами. Она была зверем в клетке, выставленным на всеобщее обозрение, и каждый проходящий мимо считал своим долгом ткнуть в прутья пальцем.

Она сидела за одним из дальних мраморных столов в обеденной зоне, пытаясь заставить себя съесть кусок хлеба. Он был словно ватой во рту. Её кинжалы, предательски молчавшие, мирно покоились в ножнах на поясе, но их вес давил на неё сильнее любого железного блока. Они были не оружием, а клеймом. Тавром, выжженным самим Богом Хитрости.

Всего несколько дней прошло с церемонии, а мир перевернулся с ног на голову. Подопечная Локи. Позор. Изгой среди изгоев. Даже пустые, слуги и уборщики, смотрели на неё с опаской, спеша ретироваться при её приближении. Их страх горчил сильнее, чем ненависть магов. Они-то понимали, что такое быть на дне, и видели в ней не собрата по несчастью, а нечто ещё более чудовищное – того, кого заметили, но лишь для того, чтобы растоптать.

«Улыбайся, моя маленькая тень», – прошелестел в памяти навязчивый, как головная боль, голос.

Элиана сглотнула комок в горле и поправила очки. Её руки дрожали. Она сжала их в кулаки под столом, впиваясь ногтями в ладони. Боль помогала сосредоточиться. Помогала не смотреть на главный стол, где восседала элита: Горрин Винтерс с его ледяной надменностью, Лиран Аэонус, чей взгляд был полон молчаливого презрения после вчерашнего скандала, и Кассиан.

Кассиан Вальтур. Идеал, воплощённый в плоти. Его осанка была безупречна, золотые волосы отбрасывали блики под светом магических сфер, парящих под потолком. Его артефакт – изящный золотой веер, сложенный сейчас и лежащий рядом с тарелкой, – выглядел как произведение искусства, а не орудие убийства. Он олицетворял всё, от чего её отрезали: порядок, чистоту, признание.

Они почти не общались до распределения. Он был из другого измерения, сын древнего рода, протеже Тира, а она – никчемная сирота с причудами, прячущаяся за книгами и очками. Но иногда, в библиотеке, он бросал на неё задумчивый взгляд. Один раз он даже подошёл и спросил, что она читает. Его голос был спокоен, как глубокое озеро, а в глазах не было ни капли высокомерия, лишь искреннее, пусть и отстраненное, любопытство. В тот миг Элиана позволила себе глупую, детскую надежду. Может быть, не всё так плохо. Может быть…

Теперь он смотрел на неё иначе. Его взгляд, поймавший её через зал, был тяжёлым, полным непрочитанного вопроса и жалости. Это было хуже любого презрения. Жалости она вынести не могла.

Элиана резко отвела глаза, уткнувшись в свой хлеб. Ей нужно было уйти. Сейчас же. Найти тот самый заброшенный чердак в западном крыле, где её, возможно, не достанет даже он, но было уже поздно. Краем глаза она увидела, как Кассиан извинился перед своими товарищами и направился через зал прямо к ней. Волна шёпота прокатилась за ним следом. Кассиан Вальтур, избранный Тира, снисходит до безумной подопечной Локи. Зрелище.

Она замерла, чувствуя, как сердце бешено колотится где-то в горле. Беги. Спрячься. Но ноги не слушались.

– Элиана, – его голос прозвучал тихо, но чётко, перекрывая гул зала.

Она заставила себя поднять на него глаза.

– Вальтур.

Он поморщился от холодности в её тоне, но не отступил.

– Можно присесть?

– Свободный мир, – буркнула она. – Хоть на стол садитесь. Для вас, тиритов, все правила писаны.

Кассиан мягко опустился на скамью напротив. Его движения были выверенными, экономными. Ничего лишнего. Как и его магия.

– Я хотел узнать, как ты. После… после всего.

– Прекрасно, – она язвительно улыбнулась, вспоминая приказ своего бога. Улыбаться. Всегда. – Не видишь? Сижу, наслаждаюсь обществом лучших умов академии или ты считаешь, что мне место среди слуг?

– Я считаю, что то, что произошло на церемонии, было несправедливым, – сказал он твёрдо, игнорируя её колкость. – А вчера… Элиана, я видел, как ты пыталась уйти. Я видел твоё лицо. Ты не хотела того, что случилось. Это был… он.

Признание в его устах звучало как ересь. Обвинять бога? Даже такого, как Локи? Это было выше её понимания.

– Осторожнее, Вальтур, – она ядовито прошипела, оглядываясь. – Твой пантеон не одобрит таких речей. Закон и справедливость, верно? А по закону, боги всегда правы. Даже когда они… такие.

– Есть правда, а есть справедливость. Иногда это не одно и то же, – отрезал он. Его глаза горели странным огнём. Идеализмом. Тем, что она похоронила в себе в день смерти родителей. – Я говорил с Рейнаром. Говорил, что ты не виновата, что это провокация.

Элиана фыркнула.

– И, что, могучий страж порядка внял твоим мольбам? Снял с меня колодки? Отозвал донос в совет?

Кассиан потупился.

– Он сказал, что лично будет следить за тобой. Что «пятно Локи» не смывается доверием.

Вот так. Даже золотой мальчик Тира бессилен против системы. Это знание было одновременно горьким и облегчающим. Значит, она была права. Никому нельзя доверять.

– Так зачем ты пришёл? Показать, как ты благороден? Пожалел бедную сиротку? У меня есть покровитель, Вальтур. Мне твоя жалость не нужна.

Она пыталась быть колкой, отвратить его, но он лишь смотрел на неё с той же невыносимой проницательностью.

– Я пришёл, потому что вижу, как ты страдаешь и потому что помню ту девушку из библиотеки. Ту, что могла цитировать наизусть трактаты о магических теориях, у которой глаза горели умом. Она ещё здесь. Я верю в это.

Его слова обожгли её больнее любого заклятья. Они пробили броню цинизма и добрались до того самого, незащищённого места, где всё ещё жила надежда. Глоток свежего воздуха в её удушающем мире и это было опасно. Смертельно опасно.

Внезапно воздух вокруг сгустился, стал тяжёлым и сладковато-горьким, как запах гниющего мёда. По коже побежали мурашки. Элиана задрожала, сердце ушло в пятки. Она узнала эту ауру, даже не видя источника.

– О, какая трогательная сцена, – раздался знакомый сладкий голос, полный насмешки. – Восходящая звезда Тира и… моя скромная подопечная. Мезальянс, однако.

Локи материализовался из пустоты, будто его и не было там секунду назад. Он опёрся о их стол, нарушив личное

пространство с непринуждённой фамильярностью, от которой кровь стыла в жилах. Сегодня он был в облике молодого аристократа с острыми чертами лица и глазами цвета изумрудного льда. Его улыбка была острее любого кинжала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.